

АЛЕКСАНДР ДЮМА
СЕМЕЙСТВО ЧЕНЧИ

Александр Дюма
Семейство Ченчи
Серия «История
знаменитых преступлений»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178298
История знаменитых преступлений: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25149-0*

Аннотация

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий.

Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Александр Дюма

Семейство Ченчи

Если вы приедете в Рим и, конечно, посетите виллу Памфили, то, поискав там под высокими соснами и у каналов тени и прохлады, которые так редки в столице христианского мира, вы отправитесь на холм Джаникуло по прелестной дороге и на середине ее увидите источник Паолины. Минував этот памятник и задержавшись на минуту на террасе церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио, возвышающейся над Римом, вы посетите монастырь Браманте¹, в центре которого в небольшой впадине, на том самом месте, где был распят апостол Петр, построен маленький храм, полугреческий-полухристианский; затем через боковую дверь вы войдете в самое церковь. Там чичероне заставит вас посмотреть в первом приделе справа «Бичевание Христа» Себастьяно дель Пьомбо², а в третьем приделе слева «Христа во гробе» Фьяминго; дав вам вволю налюбоваться этими двумя шедеврами, он проведет вас по всем четырем концам нефа и трансепта и

¹ *Браманте, Донато* (1444–1514) – итальянский архитектор. В 1502 г. построил во дворе церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио упоминаемый А. Дюма небольшой храм, называемый Темпьетто, т. е. «храмик», шедевр архитектуры Высокого Возрождения. (*Здесь и далее примеч. переводчиков, кроме специально оговоренных случаев.*)

² Здесь и ниже Дюма упоминает итальянских художников периода Возрождения: *Себастьяно дель Пьомбо* (1485–1547), *Чекко Росси де Сальвиати* (1510–1563), *Гвидо Рени* (1575–1642), *Джорджо Вазари* (1511–1574).

продемонстрирует в одном картину Сальвиати, писанную в серо-жемчужных тонах, а в другом холст Вазари, потом, приняв скорбный вид, он покажет вам над главным алтарем копию «Мученичества святого Петра» Гвидо и сообщит, что в течение трех столетий здесь любовались «Преображением» божественного Рафаэля, которое в 1809 году было похищено французами, а в 1814 возвращено союзниками папе. Но поскольку вы, очевидно, уже восхищались этим шедевром в Ватикане, не мешайте ему говорить и поищите у алтаря надгробную плиту, которую вы распознаете по кресту и одному-единственному слову «Orate»³; под этой плитой погребена Беатриче Ченчи, чья трагическая история, несомненно, произведет на вас глубокое впечатление.

Она была дочерью Франческо Ченчи. И если кто-то верит, что люди рождаются в гармонии со своим временем, причем одни это понимают в хорошем смысле, а другие иначе, то, может быть, нашим читателям будет любопытно бросить взгляд на период, предшествующий тому, когда произошли события, о которых мы намерены рассказать. И тогда Франческо Ченчи предстанет перед ними как дьявольское воплощение своей эпохи.

11 августа 1492 г., после продолжительной агонии Иннокентия VIII⁴, во время которой на улицах Рима было совершено двести двадцать убийств, на папский престол взошел

³ Молитесь (*лат.*).

⁴ *Иннокентий VIII* (1432–1492) – римский папа с 1484 г.

Александр VI. Сын сестры папы Каликста III⁵, Родриго Ленцоли Борджа, прежде чем стать кардиналом, прижил пятерых детей с римлянкой Ванощей Катанеи, которую впоследствии выдал замуж за богатого римлянина. Вот его дети:

Джованни, который был герцогом Гандии.

Чезаре, который был епископом, кардиналом, а потом герцогом Валентинуа.

Луcreция, побывав сперва любовницей отца и обоих братьев, четырежды выходила замуж: в первый раз за Джованни Сфорца, владетеля Пезары, которого оставила по причине его импотенции; во второй – за Альфонсо, герцога Бичелья, которого Чезаре приказал убить; в третий за Альфонсо д'Эсте, герцога Феррарского, с которым она также развелась; наконец, в четвертый – за Альфонса Арагонского, который сперва был пронзен кинжалом на ступенях базилики Св. Петра, а через три недели удушен, так как слишком долго не желал умирать от ран, хотя те были смертельными.

Гофредо, граф Скуиллаче, о котором почти ничего не известно.

И наконец, последний, о котором не известно совершенно ничего.

Самым знаменитым из троих братьев был Чезаре Борджа; он все подготовил к тому, чтобы стать после смерти отца королем Италии, и меры были приняты им такие, что не оставалось никаких сомнений в успехе этого грандиозного пла-

⁵ *Каликст III (Альфонсо Борха)* – римский папа в 1455–1458 гг.

на. Предусмотрены были все обстоятельства, кроме одного, но, чтобы предвидеть его, надо было быть дьяволом. Однако пусть читатель судит сам.

Папа пригласил кардинала Адриана отужинать на своем винограднике в Бельведере. Кардинал Адриан был безмерно богат, и папа жаждал стать его наследником, как уже стал наследником кардиналов Сант-Анджело: Капуанского и Моденского. Для этой цели Чезаре Борджа прислал отцовскому кравчему две бутылки отравленного вина, однако не поставил его в известность о том, что оно отравлено, а лишь распорядился подать это вино только тогда, когда будет приказано; к несчастью, кравчий на минуту удалился, а в это время ничего не подозревающий слуга налил вина из одной из этих бутылок папе, Чезаре Борджа и кардиналу Корнето.

Александр VI скончался через несколько часов; Чезаре Борджа долго был прикован к постели, и у него слезла вся кожа; кардинал же Корнето, утратив зрение и способность пользоваться остальными органами чувств, тяжело заболел и уже думал, что умрет.

Александру VI наследовал Пий III; он пробыл на папском престоле двадцать пять дней, а на двадцать шестой был отравлен.

Чезаре Борджа опирался на восемнадцать испанских кардиналов, которые были обязаны ему избранием в священную коллегия; они безоговорочно стояли за него, и он мог распоряжаться ими, как хотел. Но поскольку он все еще был

при смерти и не в силах воспользоваться ими в своих целях, он продал их голоса Джулиано делла Ровере, и тот был избран папой под именем Юлия II. Рим Нерона сменили Афины эпохи Перикла.

Лев X⁶ продолжал линию Юлия II, и христианство в период его понтификата приняло языческий характер, что придало эпохе, ежели перейти от искусства к нравам, несколько странный оттенок. Злодеяния мгновенно прекратились, уступив место порокам, но порокам очаровательным, в хорошем вкусе, вроде тех, которым предавался Алкивиад⁷ и которые воспевал Катулл⁸. Лев X умер, пробыв на папском престоле восемь лет восемь месяцев и девятнадцать дней и собрав за это время в Риме Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Корреджо, Тициана, Андреа дель Сарто, Фрате, Джулио Романо, Ариосто, Гвиччардини и Макиавелли⁹.

После его смерти за избрание соперничали Джулио Меди-

⁶ Лев X (*Джованни Медичи*) (1475–1521) избран папой на конклаве в 1513 г.

⁷ *Алкивиад* (451–404 до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец, ему приписывается склонность к мужеложству.

⁸ *Гай Валерий Катулл* (ок. 87 – ок. 54 до н. э.) – римский поэт.

⁹ *Корреджо (Аллегро) Антонио* (ок. 1489–1534); *Тициан Тициано Вечелли* (ок. 1476/1477—1576); *Андреа дель Сарто* (1486–1530); *Фрате* – прозвище *Бартоломмео делла Порта* (1472 или 1475–1517); *Джулио Романо (Джулио Пиппи)* (1492 или 1499–1546) – итальянские художники, работавшие в Риме. *Ариосто, Лудовико* (1474–1533) – итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». *Гвиччардини, Франческо* (1483–1540) – итальянский философ-гуманист, историк («История Италии»). *Макиавелли, Никколо* (1469–1527) – итальянский политический мыслитель, писатель, сторонник объединения Италии.

чи и Помпео Колонна. Поскольку оба были опытные политики и ловкие царедворцы, а кроме того, практически равны по своим достоинствам, ни один из них долго не мог получить большинства, и конклав все длился, к великому неудовольствию кардиналов. И вот однажды некий кардинал, видимо утомившийся более других, предложил вместо Медичи или Колонны избрать сына, одни говорят, ткача, а другие – пивовара из Утрехта, о котором никто до сей поры и не думал и который в ту пору был, в отсутствие Карла V, правителем Испанского королевства. Шутка имела успех; кардиналы обрадовались предложению, и вот так, по чистой случайности, Адриан¹⁰ стал папой.

То был подлинный фламандец, не знавший ни слова по-итальянски. Когда он прибыл в Рим и увидел шедевры греческих ваятелей, с огромными затратами собранные Львом X, то хотел отдать приказ разбить их, воскликнув: «Sunt idola antiquorum!»¹¹ Первейшей его заботой была посылка на имперский сейм в Нюрнберг, собравшийся по причине вызванного Лютером возмущения, нунция Франческо Керегати с инструкциями, которые вполне дают представление о нравах той эпохи.

«Чистосердечно признайте, – велел папа, – что Господь

¹⁰ Адриан Дедел (1459–1523) – воспитатель императора Священной Римской империи Карла V, по настоянию которого в 1522 г. он был избран папой под именем Адриана VI.

¹¹ Это же древние идолы! (лат.)

попустил сей раскол и смятение по причине грехов людей, особливо священнослужителей и князей церкви, ибо ведомо нам, что в курии происходит множество мерзостей».

Адриан хотел вернуть римлян к простым и строгим нравам времен раннего христианства и с этой целью подготовил разработанную до мелочей реформу. К примеру, из ста конюхов, которые были у Льва X, он оставил только двенадцать, и то лишь затем, чтобы, как он сказал, иметь на два конюха больше, чем у кардиналов.

Такой папа не мог долго править и умер через год после избрания. Назавтра после смерти дверь дома папского врача была украшена цветочными гирляндами с надписью: «Избавителю отечества».

Джулио Медичи и Помпео Колонна вновь вступили в соперничество. Опять начались интриги, конклав опять разделся, причем до такой степени, что кардиналы стали уже подумывать, а не стоит ли, дабы выйти из создавшегося положения, снова прибегнуть к однажды использованному средству, то есть избрать третье лицо; уже стали поговаривать о кардинале Орсини, но тут Джулио Медичи придумал достаточно невинную уловку. Ему не хватало пяти голосов; пять его сторонников предложили пяти сторонникам Колонны пари: они ставили сто тысяч дукатов против десяти тысяч, что Джулио Медичи не будет избран. В первом же после этого пари туре выборов Джулио Медичи получил пять недостававших ему голосов, но претензий тут никаких быть не

могло: кардиналы отнюдь не продали голоса, они всего-навсего заключили пари.

В результате 18 ноября 1523 года Джулио Медичи был провозглашен папой под именем Климента VII. В тот же день он благородно уплатил пятьсот тысяч дукатов, проигранных его сторонниками.

В его понтификат, в один из тех семи месяцев, когда Рим, взятый солдатами-лютеранами коннетабля де Бурбона¹², с ужасом взирает, как оскверняются самые святые реликвии, родился Франческо Ченчи.

Он был сыном мессира Ченчи, апостолического казначея в понтификате Пия V. Этот папа куда больше был занят духовными вопросами, нежели мирскими делами своего государства, и Никколо Ченчи весьма успешно воспользовался безразличием святейшего отца к светской стороне жизни, сколотив себе состояние, дававшее доход в сто шестьдесят тысяч пиастров, то есть в два с половиной миллиона франков по теперешнему курсу. Франческо Ченчи, бывший его единственным сыном, унаследовал все это богатство.

Юность его прошла при папах, которые так были заняты лютеровой схизмой, что у них просто не было времени по-

¹² *Герцог де БурбонШарль* (1490–1527) – коннетабль (главнокомандующий войсками) французского короля Франциска I, вступил в тайные сношения с императором Карлом V и после разоблачения бежал к испанцам, был назначен императором командующим имперской армией в Италии, в 1527 г. осадил Рим и во время осады был убит. Имперские войска, состоявшие по большей части из немецких наемников, взяли город и подвергли его чудовищному разграблению.

думать о чем-либо другом. Поэтому дон Франческо Ченчи, родившись с дурными задатками и будучи притом обладателем огромного состояния, которое обеспечивало ему безнаказанность, имел возможность следовать всем побуждениям своего пылкого и необузданного темперамента. Трижды оказавшись в тюрьме по причине своих гнусных любовных наклонностей, он выходил из нее, платя за это примерно по двести тысяч пиастров, то есть три миллиона франков. Надо заметить, что в ту эпоху папы крайне нуждались в деньгах.

Серьезно начали заниматься Франческо Ченчи при папе Григории XIII¹³. И то сказать, понтификат наилучшим образом подходил для того, чтобы добиться дурной славы, к которой стремился этот странный донжуан. В правление болонца Бонкомпаньи в Риме было позволено все при условии, что человек мог заплатить и убийце и судьям. Насилие и душегубство стали настолько обычным делом, что правосудие практически не занималось подобными пустяками, ежели на месте не оказывалось никого, чтобы преследовать преступника; зато Господь вознаградил доброго Григория XIII за его снисходительность – доставил ему радость узреть Варфоломеевскую ночь.

В ту пору Франческо Ченчи было уже года сорок четыре – сорок пять; росту он был около пяти футов четырех дюймов, хорошо сложен и очень силен, хотя с виду худощав. Волосы у

¹³ Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи) (1512–1586) – папа с 1572 г., ввел современный (григорианский) календарь.

него были с проседью, глаза большие и выразительные, правда, верхние веки несколько тяжеловаты, нос длинный, губы тонкие, улыбка приятная; впрочем, она очень легко меняла выражение и становилась злобной, ежели его взгляд встречал врага; тогда, а равно при незначительном даже волнении или гневе его начинала бить нервическая дрожь, которая продолжалась, хотя и куда слабее, еще долго после того, как приступ, вызвавший ее, прекращался. Ловкий во всех телесных упражнениях, особенно в верховой езде, он неоднократно проезжал из Рима в Неаполь без остановки, хотя расстояние между этими городами составляет сорок одно лье, причем ехал через леса Сан-Джермано и Понтинские болота, ничуть не тревожась из-за разбойников, а ведь несколько раз он этот путь проделывал один, вооруженный только шпагой или кинжалом. Когда конь его падал от усталости, он покупал другого, а ежели продавать не хотели – брал силой; в случае сопротивления наносил удар, и всегда сталью, а не кулаком. Впрочем, поскольку во всех владениях, принадлежащих его святейшеству, хорошо знали и самого Ченчи, и его щедрость, никто не противился его воле – одни движимые страхом, другие корыстью. Нечестивец, богохульник и атеист, он никогда не ходил в церковь, а уж если заглядывал туда, то лишь ради какого-нибудь богохульства. Ходили толки, что он жаден до всяких нелепостей и несообразностей и что нет такого преступления, которого он не совершил бы, ежели полагал, что оно позволит ему испытать какое-нибудь

новое ощущение.

В возрасте около сорока пяти лет он женился на одной очень богатой женщине, имени которой не приводит ни один из хронистов. Она скончалась, оставив ему семь детей – пятерых сыновей и двух дочек. После ее смерти он женился вторым браком на Лукреции Петрони; у нее была ослепительно белая кожа, и она являла собой совершенный тип римской красоты. Вторым его брак был бездетным.

Франческо Ченчи ненавидел своих отпрысков, как если бы ему были совершенно чужды все естественные человеческие чувства, и даже не пытался скрывать ненависть, которую к ним питал. Он велел построить во дворе своего великолепного дворца, расположенного неподалеку от берега Тибра, церковь во имя св. Фомы и однажды, велев архитектору показать план склепа, бросил: «Вот сюда я надеюсь всех их уложить». Архитектор впоследствии признавался, что пришел в ужас от зловещего смеха, каким Франческо Ченчи сопровождал свое высказывание, и что, если бы не большие деньги, которые ему предстояло получить, он тут же отказался бы продолжать строительство.

Чуть только старшие его сыновья Джакомо, Кристофоро и Рокко выросли, он тут же отослал их в Испанию в Саламанкский университет; очевидно, Франческо полагал, что достаточно их удалить – и он навсегда избавится от них; едва они уехали, он перестал думать о них и даже посылать им содержание. После нескольких месяцев борьбы с нище-

той трем несчастным юношам пришлось покинуть Саламанку; пешком, босые, прося по пути подаяние, они пересекли всю Францию и Италию, возвратились в Рим и обнаружили, что отец стал еще более суровым, непримиримым, жестоким, чем прежде.

То были первые годы правления Климента VIII¹⁴, славившегося справедливостью. Молодые люди решили обратиться к нему с прошением, чтобы его святейшество повелел их отцу назначить им из своих огромных богатств хотя бы небольшую пенсию. Они приехали во Фраскати, где папа строил прекрасную виллу Альдобрандини, и представили ему свою просьбу; папа признал их правоту и повелел Франческо выплачивать каждому из них пенсию в две тысячи эку. Франческо всеми правдами и неправдами пытался обойти это решение, но получил настолько точный приказ, что ему оставалось только подчиниться.

Как раз в это время он в третий раз был заключен в тюрьму за свои гнусные любовные похождения. Трое его сыновей вновь обратились к папе, утверждая, что отец бесчестит их имя, и умоляя применить к нему закон во всей его строгости. Папа счел такой поступок сыновей чудовищным и с позором прогнал их с глаз. Франческо же и на этот раз, как дважды до этого, уплатив большие деньги, вышел из тюрьмы.

Само собой разумеется, подобные прошения не способ-

¹⁴ Климента VIII (Инполито Альдобрандини) (1536–1605) – римский папа с 1592 г.

ствовали тому, чтобы ненависть, какую испытывал Франческо к своим детям, превратилась в любовь, но поскольку сыновья, обретшие независимость благодаря получаемой ими пенсии, имели возможность избежать злобы отца, гнев его обратился на двух несчастных дочерей. Вскоре их положение стало до такой степени невыносимым, что старшая, хотя за ней был очень суровый надзор, сумела переслать папе слезное прошение, в котором рассказывала о чудовищном обращении с нею и умоляла его святейшество выдать ее замуж либо поместить в монастырь. Климент VIII сжалился над ней; он заставил Франческо Ченчи дать дочери в приданое шестьдесят тысяч экю и выдал ее за Карло Габриелли из благородного рода Губбио. Франческо чуть было не сошел с ума от злости, что у него вырвали эту жертву.

К тому времени смерть освободила его от двух детей; Рокко, а примерно год спустя и Кристофоро были убиты: один – колбасником, имя которого не сохранилось; второй – Паоло Корсо ди Масса. Это хоть в какой-то мере утешило Франческо, который и после смерти преследовал сыновей своей скаредностью: он объявил священникам, что не возместит церкви ни гроша из расходов на похороны. Умерших опустили в склеп, который Франческо сам приготовил для них, в гробах, предназначенных для нищих; увидев их, лежащих рядом, он воскликнул, что уже вполне счастлив, поскольку избавился от двух столь мерзких тварей, но полное счастье изведает, только когда остальные пятеро детей улягутся рядышком с

первыми двумя, а когда умрет последний, он в знак радости устроит иллюминацию у себя во дворце, предав его огню.

Тем не менее Франческо принял все предосторожности, чтобы вторая дочь его Беатриче Ченчи не последовала примеру старшей. В ту пору Беатриче было лет двенадцать-тринадцать, она была прекрасна и невинна, как ангел. Длинные светлые волосы того дивного оттенка, который настолько редок в Италии, что Рафаэль почитал его божественным и придавал всем своим мадоннам, обрамляя лицо восхитительного очертания и крупными кудрями струились у нее по плечам; лазурно-голубые глаза сияли небесной добротой; она была среднего роста, но сложена очень пропорционально, и в те редкие мгновения, когда не плакала и могла высказать свой природный нрав, становилось ясно, что у нее живой, жизнерадостный, ласковый, но в то же время твердый характер.

Для вящего своего спокойствия Франческо держал ее взаперти в комнате, отделенной от остального дворца, и ключ от этой комнаты был только у него. Каждый день этот странный, непреклонный тюремщик навещал ее, принося еду. До того как ей исполнилось тринадцать лет, Франческо был с нею неумолимо суров, но вскоре, к удивлению несчастной Беатриче, стал ласковей. А произошло это потому, что Беатриче из ребенка превратилась в девушку, ее красота раскрылась, как цветок, и Франческо, не страшившийся никакого преступления, остановил на ней похотливый взор, кро-

восмесительный выбор.

Само собой разумеется, что при том воспитании, какое получила Беатриче, лишённая общения с людьми и даже с мачехой, она пребывала в полном неведении относительно добра и зла, и погубить ее было легче, нежели кого-либо другого; тем не менее Франческо, чтобы добиться своей дьявольской цели, пустил в ход всю свою изобретательность.

В течение некоторого времени Беатриче каждую ночь просыпалась от сладостной музыки, доносившейся, казалось ей, из рая. Когда она заговорила об этом с отцом, он не разрушил ее иллюзию и только добавил, что ежели она будет ласковой и покорной, то по особой милости Господа не только услышит райскую музыку, но и увидит сам рай.

Действительно, однажды ночью, когда Беатриче, лежа в постели, внимала чарующей гармонии, дверь ее комнаты внезапно растворилась, и взгляд ее из темноты проник в ярко освещенные залы, наполненные ароматами, какие вдыхаешь в снах; по залам прохаживались прекрасные юноши и женщины, излучавшие, казалось, радость и счастье; они были полунагие, как на виденных ею полотнах Гвидо и Рафаэля; то были миньоны и фаворитки Франческо, который при своем поистине королевском богатстве каждую ночь устраивал оргии, подобные оргиям Александра Борджа на свадьбах Лукреции и распутству Тиберия¹⁵ на Капри. Через час дверь

¹⁵ *Тиберий* (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) – римский император с 14 г. н. э. С 26 г. безвыездно пребывал на о. Капри.

затворилась, скрыв соблазнительные картины и оставив Беатриче в изумлении и тревоге.

Следующей ночью все повторилось с той лишь разницей, что на сей раз Франческо вошел в комнату дочери и пригласил ее принять участие в празднестве. Франческо был голый. Сама не зная почему, Беатриче поняла, что поступит скверно, уступив настояниям отца, и ответила, что не видит среди этих женщин Лукрецию Петрони, свою мачеху, а потому не смеет встать с постели и выйти к незнакомым людям. Франческо угрожал и умолял, но и угрозы, и мольбы оказались безуспешными. Беатриче завернулась в простыни и наотрез отказалась подчиниться отцу.

Назавтра она легла в постель одетая. В обычный час дверь отворилась, и Беатриче вновь увидела ту же картину. Но теперь среди женщин, прогуливавшихся у дверей Беатриче, была и Лукреция Петрони: муж силой принудил ее к этому позору. Беатриче находилась слишком далеко, чтобы видеть ее слезы и краску стыда. Франческо указал дочери на мачеху, которую она тщетно искала вчера, и поскольку девочке нечего было возразить, он повел ее, зардевшуюся и смущенную, туда, где происходила оргия.

Там Беатриче увидела вещи доселе неведомые и омерзительные!

Тем не менее она долго сопротивлялась: некий внутренний голос подсказывал ей, что все это чудовищно, но Франческо была свойственна неспешная настойчивость демона.

Эти картины, которые, как он полагал, способны пробудить чувственность девочки, он сопровождал и лживыми измышлениями, дабы ввести ее в заблуждение; он говорил ей, что все величайшие святые, которых чтит христианская церковь, рождены от сожительства отца с дочерью, и Беатриче совершила преступление, даже не подозревая, какой это грех.

С тех пор грубости и свирепости Франческо не было предела: он принудил Лукрецию и Беатриче одновременно делить с ним ложе, пригрозив жене убить ее, если она хоть словом обмолвится дочери, сколь чудовищно такое совместное сожительство. Так все и продолжалось в течение почти трех лет.

И тут Франческо потребовалось на время уехать, и женщины остались одни. Первое, что сделала Лукреция, – открыла Беатриче глаза на всю постыдность их жизни; и тогда они написали папе совместное прошение, в котором рассказывали, сколько им пришлось вынести издевательств и побоев. Однако Франческо Ченчи принял перед отъездом меры предосторожности: все, кто окружал папу, были либо подкуплены, либо надеялись на мзду. Жалоба не дошла до его святейшества, и несчастные женщины, припомнив, как Климент VIII некогда прогнал с глаз Джакомо, Кристофоро и Рокко, решили, что они тоже лишены покровительства закона, и больше уже ни на что не надеялись.

Тем временем, пользуясь отсутствием отца, их навестил Джакомо и привел с собой своего друга, аббата по фамилии

Гуэрра; то был молодой человек лет двадцати пяти – двадцати шести, принадлежавший к одному из самых знатных римских родов, обладавший пылким, решительным и отважным нравом, а что касается внешности, то молва о его красоте была на устах всех женщин. У него были крупные римские черты лица, поразительно ласковые синие глаза, длинные светлые волосы и при этом темно-русые борода и брови; добавьте к этому обширные знания, обаятельное природное красноречие, проникновенный мягкий голос, и вы будете иметь представление об аббате Гуэрре.

Он влюбился в Беатриче с первого взгляда. Девушка тоже прониклась симпатией к красавцу-прелату. Дело происходило до Тридентского собора¹⁶, и духовные лица еще могли вступать в брак. Было договорено, что после возвращения Франческо аббат Гуэрра попросит у него руки дочери, и обе женщины, счастливые отсутствием их господина, строили планы на лучшее будущее.

Месяца через четыре возвратился Франческо, причем никто не знал, что он делал все это время. В первую же ночь он пожелал предаться кровосмесительным забавам с дочерью, однако Беатриче была уже не та: вместо боязливого, покорного ребенка он увидел возмущенную девушку; на нее не действовали ни мольбы, ни угрозы, ни побои: любовь при-

¹⁶ *Тридентский собор* – вселенский собор католической церкви, заседавший в 1545–1563 гг. в г. Тренто (*лат.* Тридентум), на котором были проведены значительные церковные реформы.

дала ей силы.

Гнев Франческо пал на жену; обвинив ее в том, что она его предала, он жестоко избил ее палкой. Лукреция Петрони была истинной римской волчицей, страстной и в любви, и в мщении; она все вытерпела, но ничего не простила.

И вот спустя несколько дней аббат Гуэрра явился к Франческо Ченчи с намерением просить руки его дочери. Гуэрра был богат, молод, красив, происходил из благородной семьи, так что у него не было никаких сомнений в положительном ответе, и однако Франческо грубо выпроводил его. Тем не менее отказ не обескуражил молодого человека, он возобновил попытку еще раз, а затем и в третий, доказывая все преимущества этого брака. Наконец потерявший терпение Франческо объявил, что есть одна важная причина, по которой Беатриче никогда не станет женой Гуэрры, равно как и ничьей другой. Гуэрра поинтересовался, что же это за причина, и Франческо ответил:

– Потому что она моя любовница.

Услышав такой ответ, монсеньор Гуэрра побледнел и поначалу не хотел верить, однако, увидев, какой улыбкой Франческо Ченчи сопровождал свои слова, понял: это правда, как она ни чудовищна.

Три дня понадобилось Гуэрре, чтобы проникнуть к Беатриче, и наконец он увиделся с нею. Он еще надеялся, что Беатриче скажет, что отец солгал, однако она ничего не стала отрицать. С этой минуты для влюбленных не осталось ни-

какой надежды: их разделила непреодолимая пропасть. Молодые люди расстались в слезах, поклявшись вечно любить друг друга.

Между тем обе женщины еще не приняли никакого преступного решения, и, возможно, все так бы и пошло без шума и огласки, если бы однажды ночью Франческо не вошел в комнату к дочери и вновь не принудил силой к греху кровосмешения. Тем самым он подписал себе приговор.

Мы уже говорили, Беатриче принадлежала к существам, способным и на самые темные, и на самые светлые чувства, она могла вознестись и на вершины добра, и пасть в бездну зла. Она обратилась к мачехе и поведала ей о новом осквернении, жертвой которого стала; рассказ напомнил Лукреции, как муж избил ее, и обе женщины, наперебой растравляя обиды друг друга, решили убить Франческо.

На совет относительно убийства позвали Гуэрру. Сердце его было исполнено ненависти, он думал только о мести. Гуэрра вызвался привести Джакомо Ченчи, без которого женщины не соглашались приступить к решительным действиям, поскольку он, как старший сын, был главой семьи. Джакомо Ченчи сразу же согласился вступить в разговор. Как помнят читатели, некогда Джакомо сам страдал от отца; впоследствии он женился, и неумолимый старик оставил его вместе с женой и детьми в бедности. Для обсуждения подробностей были выбраны апартаменты монсеньора Гуэр-

ры. Джакомо нашел одного сбира¹⁷, которого звали Марцио, второго, по имени Олимпио, нашел Гуэрра.

У обоих были причины пойти на преступление: у одного это была любовь, у второго – ненависть. Марцио был в услужении у Джакомо, имел возможность видеть Беатриче, в которую и влюбился; эта, само собой разумеется, безмолвная, безнадежная любовь терзала ему душу. Подумав, что преступление как-то приблизит его к Беатриче, он согласился без раздумий.

Что же касается Олимпио, он ненавидел Франческо, потому что из-за него потерял место кастеляна замка-крепости Рокка Петрелла, находящегося в Неаполитанском королевстве и принадлежащего князю Колонна. Почти каждый год Франческо Ченчи с семейством проводил несколько месяцев в Рокка Петрелле: князь Колонна, высокородный и блистательный вельможа, частенько испытывал нужду в деньгах и находил их в кошельке Франческо, а посему был весьма предупредителен к своему другу. Франческо, имевший какие-то причины для недовольства Олимпио, пожаловался на него князю Колонна, и Олимпио прогнали.

И вот к какому пришли решению после неоднократных встреч и обсуждений, в которых участвовали обе женщины, Джакомо, Гуэрра, Марцио и Олимпио, и каждый высказал свое мнение.

¹⁷ *Сбир* в итальянском языке имеет два значения: полицейский и, как в данном случае, наемный убийца.

Приближалась пора, когда Франческо Ченчи обычно уезжал в Рокка Петреллу; было решено, что Олимпио, прекрасно знающий те места, наберет дюжину разбойников; получив весть, что Франческо выехал, они спрячутся в придорожном лесу, нападут и захватят его вместе со всем семейством. Затем, договорившись о большом выкупе, детей отпустят в Рим собрать деньги, однако те изобразят дело так, будто денег не смогли найти, пропустят установленный разбойниками срок, и Франческо убьют. Таким образом подлинные убийцы уйдут из-под подозрения и избегнут кары.

Однако прекрасно продуманный замысел не удался. Когда Франческо выехал из Рима, посланец заговорщиков не сумел найти разбойников, те, не получив вовремя предупреждения, не смогли исполнить уговор и слишком поздно спустились с гор на дорогу. К тому времени Франческо уже проехал и, целый и невредимый, прибыл в Рокка Петреллу. Разбойники, безрезультатно прождав в укрытии, сообразили, что добыча от них ускользнула, и, не желая более оставаться в местности, где пробыли уже почти неделю, сочли за лучшее поискать более верное дело.

Поселившись в крепости, Франческо, дабы беспрепятственно тиранить женщин, отослал в Рим Джакомо вместе с двумя другими еще оставшимися в живых сыновьями. После этого он опять возобновил гнусные посягательства на Беатриче, причем столь настойчиво, что она приняла решение сама совершить то, что прежде хотела исполнить чужими ру-

ками.

Олимпио и Марцио, которым нечего было бояться правосудия, продолжали бродить в окрестностях; однажды Беатриче увидела их из окна и дала знак, что хочет им кое-что сообщить. Ночью Олимпио, который некогда был кастеляном крепости и знал все ходы-выходы в ней, проник туда вместе со своим сотоварищем. Беатриче ждала их у окошка, выходящего в один из уединенных двориков; она передала им письма к монсеньору Гуэрре и Джакомо. Джакомо должен был, как и в первый раз, подтвердить свое согласие на убийство отца, без этого Беатриче не хотела ничего предпринимать. Монсеньор Гуэрра должен был уплатить тысячу пиастров, половину суммы, причитающейся Олимпио, ну а Марцио действовал из любви к Беатриче, перед которой он благоговел, как перед Мадонной; видя это, девушка подарила ему алый плащ, обшитый золотым галуном, и велела носить его, ежели он любит ее. Остаток же суммы женщины намеревались уплатить после смерти старика, когда вступят во владение его состоянием.

Сбиры уехали, и пленницы с тревогой стали ждать их возвращения. В условленный день Олимпио и Марцио вернулись. Монсеньор Гуэрра дал тысячу пиастров, а Джакомо – согласие. Итак, ничто не препятствовало исполнению чудовищного замысла, и уже была назначена дата – восьмое сентября, день Рождества Пресвятой Богородицы, но синьора Лукреция, будучи весьма набожной, обратила внимание на

это обстоятельство и не захотела совершать двойной грех, так что все было передвинуто на девятое.

И вот 9 сентября 1598 года женщины, ужиная со стариком, подлили ему в бокал опиума, причем так ловко, что при всей своей подозрительности он ничего не заметил, выпил снотворный напиток и вскоре заснул глубоким сном.

Марцио и Олимпио были в крепости, они прятались в ней всю прошлую ночь и весь день, поскольку, как помнят читатели, убийство было назначено на предыдущий день и тогда же и произошло бы, если бы не религиозная щепетильность синьоры Лукреции Петрони. Около полуночи Беатриче вывела убийц из их укрытия и впустила в спальню отца, собственной рукой распахнув перед ними дверь. Убийцы вошли, а женщины остались ждать в соседней комнате.

Через несколько секунд сбирывышли бледные и растерянные; не произнося ни слова, они отрицательно покачали головами, и женщины поняли – ничего не сделано.

– В чем дело? – спросила Беатриче. – Что остановило вас?

– То, что убивать спящего старика – подлость. Мы подумали про его возраст и почувствовали жалость.

Беатриче презрительно вскинула голову и глухим, сдавленным голосом выбрала их:

– Вы, мужчины, притворяющиеся храбрыми и сильными, побоялись убить спящего старика! А что было бы, если бы он проснулся? И за это вы еще берете у нас деньги! Что ж, ваша трусость придала мне силы, и я сама убью своего отца,

но помните, вы ненамного переживете его.

После таких слов сбирь устыдились своей слабости и, сделав знак, что исполняют обещанное, вошли в спальню в сопровождении обеих женщин. Лунный свет падал в открытое окошко на безмятежное лицо спящего старика, чьи седины совсем недавно вынудили убийц отступить от задуманного.

Но на сей раз они подавили в себе жалость. Один из них держал два больших гвоздя наподобие тех, какими воспользовались при распятии Христа, а второй – молоток; первый вертикально приставил гвоздь к глазу Франческо, второй ударил по нему молотком, и гвоздь вошел в голову. Еще один гвоздь они вбили в горло, и душа Франческо, отягченная множеством грехов, которые он совершил в жизни, стремительно и неистово вырвалась из тела, конвульсивно державшегося на полу, куда оно скатилось.

После этого Беатриче, верная слову, вручила сбирям туго набитый кошелек с остатком условленной платы и отпустила их.

Как только Олимпио и Марцио ушли, женщины вырвали гвозди из ран, завернули труп в простыню и через все комнаты потащили к небольшой терраске, откуда намеревались сбросить его в заброшенный сад. Тем самым они надеялись создать впечатление, будто старик погиб, пойдя среди ночи в нужник, расположенный на другом конце галереи. У дверей последней комнаты силы оставили их, они решили минуту

передохнуть, и тут Лукреция увидела обоих сборов, которые еще не успели уйти и делили деньги. Она позвала их на помощь; Марцио и Олимпио перетащили труп на террасу и с места, указанного Беатриче, сбросили труп в заросли бузины, где он и застрял в ветвях.

Все получилось так, как и предвидели Беатриче и ее мачеха; утром обнаружили труп, застрявший в ветвях бузины, и все решили, что Франческо оступился на террасе (на ней не было парапета), упал и убился. На теле у него было множество ран, и никто не обратил внимания на те, что оставлены были гвоздями. Женщины, как только им сообщили эту весть, выбежали, издавая горестные вопли и заливаясь слезами, так что если у кого-то и могли возникнуть подозрения, столь неподдельное и глубокое горе тут же должно было их рассеять; но подозрений ни у кого и не появилось, если не считать замковой прачки: Беатриче дала ей постирать простыню, в которую был завернут труп Франческо, сказав, что ночью у нее случилось сильное кровотечение, отчего и запачкалась простыня. Прачка то ли поверила ей, то ли сделала вид, будто поверила; во всяком случае, тогда она ни словом не высказала ни сомнения, ни удивления. Прошли похороны, и женщины без всякой спешки возвратились в Рим, где собирались наконец-то зажить спокойной жизнью.

И пока они жили без страхов, хотя, возможно, и не без угрызений совести, начало свое дело правосудие Божие. Суд Неаполя узнал о скоропостижной и неожиданной смерти

Франческо Ченчи и, заподозрив, что она была насильственной, направил в Петреллу королевского комиссара с приказанием произвести эксгумацию тела и отыскать на нем следы убийства, ежели таковое действительно имело место. По прибытии комиссара все обитатели замка были арестованы и в цепях препровождены в Неаполь. Однако никаких улик обнаружено не было, кроме показаний прачки, которая заявила, что Беатриче дала ей постирать простыню, запачканную кровью. И однако это была страшная улика, так как прачка, спрошенная, верит ли она по совести и чистосердечно, что происхождение пятен именно таково, какое ей назвала Беатриче, ответила, что не верит, поскольку для этой причины пятна ей показались слишком яркими и слишком красными.

Показания ее были отосланы в римский суд, но, разумеется, их оказалось недостаточно, чтобы арестовать семейство Ченчи. Прошло несколько месяцев, и никто их не тревожил. За это время умер младший сын Франческо Ченчи. Из пяти братьев в живых оставались только Джакомо, старший, и Бернардо, предпоследний. Несомненно, они могли бы спастись, бежать в Венецию или Флоренцию, но это им даже в голову не приходило, и они продолжали жить в Риме, ожидая развития событий.

Тем временем монсеньор Гуэрра узнал, что люди видели, как Марцио и Олимпио бродили в окрестностях крепости в дни, предшествовавшие убийству Франческо Ченчи, и что неаполитанская полиция получила приказ арестовать их.

Монсеньор Гуэрра был человеком чрезвычайно осторожным, и ежели он оказывался вовремя предупрежден, его трудно было захватить врасплох. Он послал двух сборов, поручив им убить Марцио и Олимпио. Тот, кому был поручен Олимпио, настиг его в Терни и честно заколол кинжалом, как было велено, но тот, что должен был убить Марцио, к сожалению, прибыл в Неаполь слишком поздно: днем раньше убийца попал в руки правосудия.

Подвергнутый пытке, Марцио во всем признался.

Его показания также были отосланы в Рим, куда вскорости был препровожден и он сам – для очной ставки с теми, кого он обвинял. Одновременно был отдан приказ об аресте Джакомо, Бернардо, Беатриче и Лукреции; поначалу местом заключения им был назначен дворец отца, где их стерегла сильная полицейская стража. Но улики становились все более и более тяжкими, и их перевели в замок Корте Савелла; там были проведены очные ставки с Марцио, однако они решительно отрицали не только свою причастность к преступлению, но даже знакомство с убийцей; замечательное самообладание выказала Беатриче: она попросила, чтобы ей первой устроили ставку с Марцио, и спокойно, с достоинством заявила, что доносчик лжет, и тогда молодой человек, видя, как она прекрасна, принял решение, уж коль он не может посвятить себя служению ей, хотя бы спасти ее ценою своей жизни. Он объявил, что все его показания были ложью и что он просит за это прощения у Бога и у Беатриче; ни угрозы,

ни пытки с той поры не смогли вырвать у него других показаний; Марцио умер в муках, но продолжал молчать. Ченчи уже были уверены, что им удалось спастись.

Однако Господь своей благой волей решил иначе. Примерно в это же время был за какое-то преступление арестован сбир, убивший Олимпио. Поскольку у него не было причин одни преступления скрывать, а другие нет, он признался, что был нанят монсеньором Гуэррой избавить его от кое-каких неприятностей, которые мог причинить нанимателю некий убийца по имени Олимпио.

К счастью, монсеньор Гуэрра вовремя узнал об этом, а так как был он человеком весьма умным и ловким, то не стал предаваться страхам и впадать в отчаяние, как это сделал бы на его месте кто другой; как раз в то время, когда ему передали это сообщение, у него находился угольщик, снабжавший его дом углем; Гуэрра пригласил угольщика к себе в кабинет и первым делом вручил крупную сумму как плату за молчание, затем приобрел – на вес золота – старые, грязные отрепья, в которые был одет угольщик, обрезал свои чудесные волосы, за которыми так следил, перекрасил бороду, измазал лицо сажей, купил двух ослов, нагрузил их корзинами с углем и, изображая хромоту, пошел по римским улицам, крича: «Угля! Кому угля!» И покуда стража, сбившись с ног, искала его, он выбрался из города, встретил отряд наемных солдат, присоединился к ним и добрался до Неаполя, где сел на корабль. Что стало с ним дальше, неизвестно.

Правда, некоторые говорят, но без всякой уверенности, будто он добрался до Франции и вступил там в швейцарский полк, состоявший на службе у Генриха IV.

Признания сбира и исчезновение монсеньора Гуэрры не оставили больше никаких сомнений в виновности Ченчи. Вследствие этого они были переведены из замка в тюрьму; оба брата, подвергнутые пытке, не нашли в себе сил молчать и признали себя виновными. Лукреция Петрони была настолько тучной, что не смогла вынести допроса на виске: чуть только ее оторвали от земли, как она взмолилась, чтобы ее отпустили, и рассказала все, что знала.

Что же касается Беатриче, она проявила исключительную твердость: ни обещания, ни угрозы, ни допрос с пристрастием ничего не смогли поделать с этим крепким и живучим организмом, она с потрясающим мужеством все отрицала, и судья Улиссе Москати, человек весьма опытный в подобных делах, не сумел вырвать у нее ни единого слова, кроме тех, что она хотела сказать. Не решаясь брать на себя ответственность в столь чудовищном деле, он доложил обо всем Клименту VIII, и папа, опасаясь, как бы Москати, соблазненный красотой обвиняемой, которую ему приходится допрашивать, не проявил слабости в применении пыток, отстранил его и передал дело другому следователю, известному своей непреклонной твердостью.

Новый судья возобновил всю процедуру, касающуюся Беатриче, проверил все предшествовавшие допросы и, обна-

ружив, что она подвергалась только обычному допросу с пристрастием, распорядился применить к ней и обычную, и чрезвычайную пытки, каковой, как мы уже упоминали, была пытка на виске, самая ужасная из всех, какие только придумал человек, становящийся весьма изобретательным, когда дело касается мучений.

Но поскольку слова «допрос на виске» не дают читателю достаточно ясного представления о самой пытке, мы войдем в некоторые подробности на этот счет, а затем приведем протоколы отдельных эпизодов процесса, хранящиеся в Ватикане.

В Риме в ходу были самые разные пытки, но чаще всего применялись пытки свистульками, пытка огнем, пытка бессонницей и пытка на виске.

Пытка свистульками, самая мягкая из всех, применялась только к детям и старикам; состояла она в том, что под ногти допрашиваемому загоняли тростинки, срезанные наискось, как концы свистуллек.

Пытка огнем была самой распространенной, пока не придумали пытку бессонницей, и заключалась в том, что ноги преступника держали над большим огнем, примерно так, как это делали наши «поджариватели»¹⁸.

При пытке бессонницей, изобретателем которой был некий Марсилиус, обвиняемого усаживали на остроуголь-

¹⁸ Разбойники времен Великой французской революции; они жгли своим жертвам ноги на огне.

ную «кобылу» высотой пять футов, руки его привязывали за спиной к «кобыле»; по бокам у него садились два человека, сменявшиеся каждые пять часов, которые расталкивали его, стоило ему закрыть глаза. Марсилиус утверждал, что не видел ни одного человека, который сумел бы устоять перед этой пыткой, но он несколько прихвастнул. Хронисты констатируют, что из ста обвиняемых, подвергнутых пытке бессонницей, не признались лишь пятеро. Но и такой результат весьма лестен для изобретателя.

И наконец, пытка на виске, употреблявшаяся чаще других и известная во Франции под названием дыба.

У этой пытки было три степени: легкая, тяжелая и весьма тяжелая.

Первая степень, или легкая пытка, состояла в самом страхе перед пыткой: обвиняемому грозили, что его станут пытать, приводили в застенок, раздевали, связывали веревкой руки, как если бы намеревались приступить к пытке. Помимо страха, вызванного этими приготовлениями, производила действие и незначительная боль в связанных запястьях. Иногда оказывалось достаточно первой степени, чтобы заставить женщин и слабодушных мужчин признаться в совершении преступления.

Вторая степень, или тяжелая пытка, заключалась в следующем: раздетому донага обвиняемому связывали руки за спиной, а веревку продевали во вбитое в потолок кольцо и привязывали к вороту, с помощью которого пытаемого мож-

но было поднимать и опускать, причем делалось это медленно или рывком – как распорядится судья. Подняв, его оставляли висеть, чтобы он не касался ногами пола, на время, за которое можно прочесть «Pater noster», «Ave Maria» или «Miserere»¹⁹. Ежели он и после этого не признавался, его подвешивали снова. Этой пыткой второй степени завершался обычный допрос, который производился в тех случаях, когда преступление было возможно, но не доказано.

Пытка третьей степени, или весьма тяжелая, которой начинался чрезвычайный допрос, проходила так: после того как допрашиваемый провисел четверть часа, полчаса, три четверти часа или даже целый час, палач начинал его то ли раскачивать наподобие колокола, то ли отпускал вниз и вдруг резко останавливал на некотором расстоянии от пола; если обвиняемый выдерживал и не признавался, что было делом неслыханным, так как вследствие этой пытки у него оказывались вывернутыми суставы, да и веревка, стягивающая запястья, врезалась до кости, к ногам ему привязывали груз, что, увеличивая его вес, усиливало и мучения. Последняя пытка применялась в тех случаях, когда преступление было не только доказано, но и направлено против особ священных, как то: отец, кардинал, монах или ученый.

Читателю уже известно, что Беатриче была подвергнута обычному и чрезвычайному допросу, известно и в чем они

¹⁹ Названия католических молитв, которым соответствуют православные «Отче наш», «Богородица, Дево, радуйся» и «Помилуй мя, Боже».

состояли, а теперь дадим слово писцу, ведущему пыточные записи.

«Понеже в течение всего допроса она не желала ни в чем признаться, двум стражникам было велено препроводить ее из тюрьмы в пыточную камеру, в каковой ее ждал палач; там, после того как ей обрили волосы, палач усадил ее на низкую скамью, раздел, разул, связал руки за спиной, привязал к веревке, проходящей через блок, закрепленный в потолке одной камеры, а вторым концом привязанной к вороту, каковой вращается посредством четырех рукоятей двумя мужчинами.

И прежде чем подтянуть, мы вновь спросили ее на предмет вышеупомянутого отцеубийства, однако вопреки представленным ей признаниям брата и мачехи, каковые признания те подписали, она упорно все отрицала, говоря: «Подвесьте меня и делайте со мной все, что желаете, я вам сказала правду и ничего иного не скажу, даже если меня разрубят на части».

Вследствие чего мы приказали подтянуть ее за руки, связанные вышеупомянутой веревкой, на высоту около двух футов и оставили так на время, пока читали «Pater noster», после чего опять же спросили относительно событий и обстоятельств названного отцеубийства, но она не пожелала сказать ничего, кроме того, что уже сказала, не произнося иных слов, oprичь нижеследующих: «Вы убиваете меня! Вы убиваете меня!»

Мы распорядились подтянуть ее выше, а именно до высоты четырех футов, и начали читать «Ave Maria». Но посередине нашей молитвы она прикинулась, будто обмерла.

Мы велели плеснуть ей в лицо ведро воды, после чего она пришла в себя и закричала: «Боже мой! Смерть моя пришла! Вы убиваете меня! Боже мой!» – ничего же иного ответить не захотела.

Тогда мы приказали поднять ее еще выше и стали читать «Miserere», она же, вместо того чтобы присоединиться к нашей молитве, дергалась и вскрикивала, произнося неоднократно: «Боже мой! Боже мой!»

Спрошенная вновь относительно названного отцеубийства, не пожелала ничего признать, утверждая, что невиновна, а через несколько секунд обмерла.

Мы приказали снова облить ее водой, после чего она пришла в себя, открыла глаза и вскричала: «Проклятые палачи, вы убиваете меня! Убиваете меня!» – опять же не пожелала сказать ничего иного.

Видя таковое ее упорство в отрицании вины, мы приказали палачу произвести встряску.

Во исполнение палач подтянул ее на высоту десять футов, и мы попросили ее, подвешенную на таковой высоте, сказать нам правду, но то ли оттого, что она лишилась дара речи, то ли оттого, что не желала говорить, она в ответ покачала головой, что означало либо невозможность, либо нежелание отвечать.

Видя то, мы дали палачу знак отпустить веревку, и она всем своим весом упала с высоты десяти футов до высоты двух футов, от какового сотрясения у нее вывернулись руки; она громко возопила и сомлела, оставшись висеть как мертвая.

Мы приказали плеснуть ей в лицо воды, она пришла в себя и снова крикнула: «Гнусные мучители, вы убиваете меня, но даже если вырвете мне руки, я ничего другого вам не скажу!»

Вследствие этого мы приказали привязать ей к ногам груз в пятьдесят фунтов. Однако в этот момент растворилась дверь, и несколько голосов закричали: «Довольно! Довольно! Не заставляйте ее так долго мучиться...»

То были голоса Лукреции Петрони, Джакомо и Бернардо Ченчи. Судьи, видя упорство Беатриче, распорядились провести очную ставку обвиняемых, не видевшихся друг с другом уже пять месяцев.

Братья и мачеха вошли в застенок и увидели Беатриче, висящую с вывернутыми руками на дыбе и покрытую кровью, которая сочилась у нее из запястий.

– Мы совершили грех, – крикнул ей Джакомо, – и теперь надо покаяться, чтобы спасти душу, с чистым сердцем принять смерть, а не подвергать себя таким мучениям!

Покачав головой, словно бы для того, чтобы умерить боль, Беатриче промолвила:

– Значит, вы хотите умереть? Что ж, раз вы этого хотите, пусть так оно и будет.

После этого она повернулась к стражникам и сказала:

– Развяжите меня и прочтите мне вопросы. То, что я по совести должна признать, я признаю, то же, что должна отрицать, буду отрицать.

После этого Беатриче опустили и развязали; цирюльник обычным способом вправил ей руки, затем, как она и просила, прочли вопросы, и она, исполняя данное обещание, во всем призналась.

После признания Беатриче их всех по просьбе братьев поместили в одной тюрьме, однако на следующий день Джакомо и Бернардо перевели в казематы Тординоне, а женщины остались там, где были.

Папа, прочтя признания, содержавшие все подробности преступления, исполнился столь великим негодованием, что приказал привязать преступников к хвостам необъезженных коней и протащить по улицам Рима. Однако такой суровый приговор вызвал всеобщее возмущение; множество самых влиятельных особ, кардиналов и князей на коленях умоляли святого отца отменить решение или хотя бы позволить приговоренным защищаться.

– А они, – спросил Климент VIII, – дали своему несчастному отцу возможность защищаться, когда бесчестно и безжалостно убивали его?

Наконец, уступая мольбам, он согласился на трехдневную отсрочку.

Тотчас же за это дело, так взволновавшее всех, взялись

самые лучшие и самые знаменитые римские адвокаты; они принялись строчить прошения и заключения и в день, названный для суда, предстали перед его святейшеством.

Первым выступал Никколо дельи Анджели и уже с самого начала своей речи, во вступлении, был так красноречив, что вызвал волнение среди собравшихся, по которому стало ясно, что они на стороне обвиняемых. Ужаснувшись этому, папа неожиданно остановил его.

– Выходит, – негодуяюще произнес он, – ежели среди дворянства найдется человек, который убьет своего отца, то и среди адвокатов сыщутся люди, которые станут его защищать? Мы никогда не поверим в это и даже допустить подобную мысль не можем.

После столь суровой отповеди папы все, кроме Фариначи, умолкли; он же, набравшись мужества при мысли о священном долге, возложенном на него, отвечал почтительно, но твердо:

– Пресвятой отец, мы пришли сюда не защищать преступников, но спасти невиновных. Ежели нам удастся доказать, что некоторые из обвиняемых действовали в порядке законной защиты, тогда, я надеюсь, их поступки предстанут вашему святейшеству как заслуживающие оправдания, ибо равно предусмотрены случаи, когда отец может убить свое дитя²⁰

²⁰ В римских законах были предусмотрены случаи, когда отец может убить своего ребенка, и таковых случаев тринадцать. Первый. Если сын поднял руку на отца. Второй. Если сын жестоко оскорбил отца. Третий. Если сын обвинил отца в тяжком преступлении, кроме оскорбления величества и измены отечеству. Чет-

и когда сын либо дочь могут убить своего отца. Посему мы будем выступать, когда ваше святейшество благоволит нам позволить это.

Климент VIII выказал столько же терпения, сколько перед тем негодования, и выслушал защитительную речь Фариначчи, который построил ее главным образом на том, что Франческо Ченчи перестал быть отцом с того момента, когда совершил насилие над дочерью. В качестве доказательства насилия он ссылаясь на прошение, направленное Беатриче его святейшеству, в котором она, по примеру сестры, умоляла папу забрать ее из отцовского дома и поместить в монастырь. К несчастью, прошение это, как мы уже говорили, исчезло, и хотя в канцелярии произвели тщательнейшие розыски, не удалось обнаружить никаких его следов.

Папа принял от адвокатов все приготовленные ими материалы, и те тотчас же удалились, за исключением Альтьери, который, преклонив колени перед папой, сказал:

– Пресвятой отец, я не мог поступить иначе и должен был

вертый. Если сын связался со злонравными людьми. Пятый. Если сын строит козни, посягая на жизнь отца. Шестой. Если сын вступил в кровосмесительную связь с женой отца по второму браку или с его наложницей. Седьмой. Если сын отказывается выкупить отца, посаженного за долги в тюрьму. Восьмой. Если сын насильственно принуждает отца написать завещание. Девятый. Если сын против воли отца стал гладиатором или комедиантом. Десятый. Если дочь, отказавшись от вступления в брак, ведет распутную жизнь. Одиннадцатый. Если дети отказывают в заботах больному отцу. Двенадцатый. Если дети не намерены выкупить отца или мать, попавших в плен к неверным. Тринадцатый. Если сын отрекся от католической религии. (Примеч. автора.)

предстать перед вами в связи с этим делом, поскольку являюсь адвокатом бедных, но я смиренно прошу меня за это простить.

На что папа, подняв его, благосклонно ответил:

– Ступайте, мы поражены не вами, но другими, которые им покровительствуют и защищают их.

Папа решил не спать всю ночь, поскольку принял это дело близко к сердцу, и стал изучать его вместе с кардиналом Сан-Марчелло, человеком весьма умным и опытным в подобных материях; затем, сделав заключение, он сообщил его адвокатам, и оно удовлетворило их; они уже начали обретать надежду, что приговоренные будут помилованы, поскольку по материалам дознания было доказано, что, хотя дети и восстали на отца, все обиды и насилия исходили от него, а по отношению к Беатриче эти обиды и насилия были таковы, что она, в определенном смысле, была принуждена пойти на чудовищное преступление тиранией, злодейством и жестокостью собственного отца. Мнение о том, что все склоняется к помилованию, было весьма велико, тем паче что папа распорядился вновь перевести обвиняемых в общую камеру и даже позволил обнадежить, что им сохранят жизнь.

Рим облегченно вздохнул, исполняясь надежды, как и это несчастное семейство, и обрадовавшись, словно милосердие проявлено было не к несчастным людям, а ко всем, как вдруг благие намерения папы развеяло новое преступление: шестидесятилетний маркиз ди Санта-Кроче был убит своим сы-

ном Паоло ди Санта-Кроче, причем убит зверски: ему было нанесено кинжалом около двадцати ран; сын убил маркиза потому, что тот отказался назначить его единственным наследником. Убийца бежал.

Климент VIII содрогнулся, узнав о втором, почти что подобном преступлении, однако он вынужден был выехать в Монте-Кавалло, где следующим утром ему предстояло утвердить одного кардинала в настоятели церкви Санта-Мария дельи Анджели. Но после возвращения, а было это в пятницу 10 сентября 1599 года, он около восьми утра вызвал монсеньора Таверну, губернатора Рима, и сказал:

– Монсеньор, мы передаем вам дело Ченчи, дабы вы совершили справедливый суд и притом как можно скорей.

Выйдя от папы, монсеньор Таверна возвратился к себе во дворец и собрал всех уголовных судей города; на этом заседании Ченчи были приговорены к смертной казни.

Решение тут же стало известно, а поскольку несчастное семейство возбуждало все растущий интерес, множество кардиналов всю ночь мчались кто верхом, кто в карете упротить папу, чтобы хоть над женщинами приговор был исполнен тайно в тюрьме, а Бернардино, пятнадцатилетнему мальчику, который никакого участия в преступлении не принимал, но между тем был включен в число приговоренных, было даровано помилование. Более всего трудов и стараний в этом деле приложил кардинал Сфорца, однако не смог получить от его святейшества даже тени надежды. И лишь Фа-

риначчи, сумевшему пробудить в папе угрызения совести, удалось добиться от него обещания, что Бернардино будет сохранена жизнь, и то лишь после долгих и настойчивых просьб.

Но уже накануне конгрегация братьев-утешителей направилась в тюрьмы Корте Савелла и Тординоне. Между тем, хотя приготовления к безмерной трагедии, которая должна была обрести развязку на мосту Св. Ангела, шли всю ночь, судебный пристав лишь в пять утра вошел в камеру к Беатриче и Лукреции Петрони, чтобы прочесть им приговор.

Обе они спали, даже не подозревая о событиях последних трех дней. Пристав разбудил их, дабы объявить, что люди осудили их и теперь им следует подготовиться предстать перед Богом.

Беатриче была раздавлена этим ударом; не найдя ни слова, чтобы посетовать на судьбу, ни одежды, чтобы прикрыть наготу, она, обнаженная, вскочила с кровати и стояла, качаясь, как пьяная; вскоре, однако, дар речи вернулся к ней, и она разразилась воплями и стенаниями. Лукреция же выслушала весть с куда большей твердостью и стойкостью; она стала одеваться, дабы отправиться в часовню, и при этом закланала Беатриче смириться, но та все еще была как безумная, ломала руки, билась головой о стену, вскрикивая: «Умереть! Умереть! Так неожиданно умереть на эшафоте! На виселице! О Боже мой, Боже!» Истерика ее переросла в чудовищный пароксизм, вследствие которого Беатриче совершенно

утратила телесную силу, зато обрела духовную, сделалась ангелом смирения и образцом стойкости.

Первое, чего она попросила, – позвать нотариуса, чтобы составить завещание. Просьба ее была немедля удовлетворена. И когда тот пришел, намереваясь одним махом покончить с делом, она спокойно и обстоятельно стала диктовать ему свою последнюю волю. Покончив с завещанием, она попросила, чтобы тело ее погребли в церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио, которая видна из дворца Ченчи и которую она особенно чтит. Пятьсот экую она оставила монахиням монастыря Ран Христовых и распорядилась, чтобы ее приданое, составлявшее пятнадцать тысяч экую, было разделено между пятнадцатью бесприданницами, дабы они смогли выйти замуж. Для погребения она выбрала место у подножия главного алтаря, над которым висела дивная картина «Преображение»: при жизни она многократно с восторгом созерцала ее.

По примеру Беатриче Лукреция тоже сделала последние распоряжения. Она попросила, чтобы тело ее было перенесено в церковь Сан-Джорджо-ин-Велабре, оставила тридцать два экую для раздачи милостыни, а также много другого имущества на богоугодные дела. Завершив распоряжения по завещаниям, обе женщины обратили сердца к Богу, опустились на колени и стали читать псалмы, литании и покаянные молитвы.

Они молились до восьми вечера, после чего попросились к исповеди и прослушали мессу, во время которой прича-

стились; исполняясь после этих святых приготовлений совершеннейшего смирения, Беатриче обратила внимание мацехи, что непристойно им будет всходить на эшафот в праздничных нарядах; она заказала одеяния для синьоры Лукреции и для себя, распорядившись, чтобы они были сшиты по образцу монашеских, то есть закрытыми до шеи, просторными, с длинными и широкими рукавами. Для синьоры Лукреции – из черной шерсти, для себя – из тафты. Кроме того, себе она заказала небольшой тюрбан – покрыть голову. Одеядния эти были им принесены вместе с веревками, чтобы подпоясаться; они положили их на стул и вновь стали молиться.

Подошел назначенный срок; женщин предупредили, что приближается их смертный час. Беатриче, до этого стоявшая на коленях, поднялась и со спокойным, почти радостным лицом промолвила:

– Госпожа матушка, вот и настал миг, когда начинается наш страстной путь. Думаю, нам пора подготовиться и оказать друг дружке последнюю услугу: помочь одеться, как мы всегда это делали.

Они облачились в подготовленные одеядния, перепоясались веревками, Беатриче надела на голову тюрбан, и они стали ждать, когда за ними придут.

Тогда же прочли приговор Джакомо и Бернардо, и они тоже ждали, когда их поведут на казнь. К десяти часам флорентийское братство Милосердия прибыло к тюрьме Тординоне и со святым распятием встало у входа, дожидаясь несчаст-

ных молодых людей. Там с ними чуть не приключилась беда. Из окон тюрьмы высовывалось множество народу, желавшего посмотреть, как будут выводить приговоренных, и кто-то нечаянно столкнул большой цветочный горшок, полный земли; горшок упал и едва не убил брата, который шествовал впереди распятия, держа горящие свечи. Горшок пролетел так близко от свечей, что поток воздуха загасил пламя.

В этот миг ворота растворились; первым вышел Джакомо и тотчас же опустился на колени, с величайшим благоговением преклоняясь перед святым распятием. Он был одет в широкий траурный плащ с капюшоном, но под плащом грудь у него была обнажена, так как на всем пути палач должен был его пытать раскаленными щипцами, которые лежали наготове в жаровне, установленной на повозке. Джакомо поднялся на повозку, и там за него взялся палач, исполняя то, что должен был делать. Затем вышел Бернадино, и, как только он появился, фискал²¹ Рима громко объявил:

– Синьор Бернардо Ченчи, во имя присноблаженного Искупителя наш святой отец папа дарует вам жизнь и повелевает только, чтобы вы сопутствовали вашим родичам до эшафота и до самой их смерти, а также наставляет вас не забывать молиться за тех, с кем вместе вы должны были умереть.

При этом неожиданном объявлении среди собравшихся прошел радостный ропот, и кающиеся братья немедля повесили Бернардо на глаза небольшую дощечку, так как по при-

²¹ *Фискал* – чиновник, следящий за исполнением законов.

чине его нежного возраста было сочтено, что ему не следует видеть эшафот.

Палач, который покончил с Джакомо, спустился, чтобы принять Бернардо, и как только тому было объявлено помилование, снял у него с рук цепи и, усадив на ту же повозку, где сидел брат, набросил на него великолепный плащ, обшитый золотым галуном, поскольку мальчика уже подготовили к отсечению головы и у него были обнажены шея и плечи. Многих удивило, откуда у палача такой богатый плащ, но им растолковали, что это тот самый, который Беатриче подарила Марцио, дабы склонить на убийство ее отца; палач же получил его в наследство после казни убийцы. Вид такого множества народа произвел столь сильное впечатление на Бернардо, что он лишился чувств.

Запели псалмы, и процессия тронулась, направляясь к тюрьме Корте Савелла. У ворот она остановилась в ожидании женщин; те вскоре вышли и тоже пали на колени, поклоняясь распятию; затем процессия продолжила путь.

Обе женщины шли друг за дружкой после кающихся братьев; головы у них были покрыты, длинные вуали спускались почти до пояса с той лишь разницей, что на синьоре Лукреции, как на вдове, была черная вуаль и того же цвета туфли на высоких каблуках, украшенные по тогдашней моде пучками лент, а на незамужней Беатриче шелковый, как и безрукавка, берет, затылок и шея были закрыты куском бархата с серебряным шитьем, который доходил до плеч, ниспа-

дая на ее лиловую рясу; обута она была в белые туфли на высоких каблуках, украшенные золотыми кистями и бахромой вишневого цвета; руки у женщин были связаны, но весьма свободно, веревкой, так что они могли держать в одной руке распятие, а в другой носовой платок.

В ночь с субботы на воскресенье на мосту Святого Ангела был воздвигнут эшафот, а на нем установлены помост и плаха. Над плахой между двумя брусьями было повешено широкое железное лезвие, которое, стоило отпустить пружину, скользило в пазах и всем своим весом обрушивалось на плаху.

У моста Св. Ангела процессия остановилась. Лукреция, будучи слабодушной Беатриче, горько плакала, у Беатриче же лицо было спокойное и замкнутое. Как только процессия вошла на площадь перед мостом, женщин немедленно отвели в часовню, где вскорости к ним присоединились Джакомо и Бернардо; вместе там они оставались недолго: очень скоро за братьями пришли, сперва за старшим, потом за младшим, и проводили их на эшафот, хотя Джакомо должны были казнить последним, а Бернардо получил помилование. Взойдя на помост, Бернардо вторично потерял сознание. Палач направился к нему, чтобы оказать помощь, и тут некоторые в толпе, решив, что мальчика сейчас казнят, стали громко кричать: «Он помилован!» Палач успокоил их и усадил Бернардо рядом с плахой. Джакомо встал на колени по другую сторону.

После этого палач спустился, прошел в часовню и вывел синьору Лукрецию, которую должны были казнить первой. У эшафота он связал ей руки за спиной, разорвал сверху корсаж, чтобы обнажить плечи, и попросил ее в знак примирения облобызать раны Христа; когда она это сделала, он помог ей подняться по лестнице, так как синьоре Лукреции по причине тучности самой взойти было трудно; на помосте он сорвал с нее вуаль. Синьора Лукреция испытывала великий стыд, оттого что все видят ее обнаженную грудь; когда же она взглянула на плаху, плечи у нее затрепетали, отчего вся толпа содрогнулась. И тогда синьора Лукреция со слезами на глазах громко произнесла:

– Господи, смилуйся надо мной, а вы, братья мои, молитесь за спасение моей души.

Произнеся эти слова и не зная, что дальше, она повернулась к Алессандро, старшему палачу, и спросила, что ей делать; он велел ей шагнуть на подножку и вытянуться вверх, что она и сделала с большим трудом и великим стыдом, но поскольку по причине своей высокой груди она никак не могла положить шею на плаху, пришлось подложить еще кусок дерева; все это время несчастная женщина ждала, страдая не столько от страха смерти, сколько от стыда; в конце концов все устроилось как надо, палач отпустил пружину, и отрубленная голова упала на эшафот, раза три подпрыгнула на виду у содрогнувшейся толпы, но тут палач подхватил ее и показал народу; затем он завернул ее в черную тафту и по-

ложил вместе с телом в гроб, стоящий у подножия эшафота.

Пока готовили эшафот для Беатриче, ступенчатые подмости, переполненные людьми, обрушились; многие при этом убились, но еще больше народу было покалечено и поранено.

Лезвие подняли, кровь смыли, и палач отправился в часовню за Беатриче, которая молилась перед распятием за спасение своей души и, увидев пришедшего палача с веревкой в руках, воскликнула:

– Богу угодно, чтобы ты связал тело, обреченное тлению, и развязал душу ради бессмертия!

Поднявшись с колен, она вышла из часовни, облобызала раны Христа, после чего, сняв туфли и оставив их у эшафота, медленно вошла по лестнице и, поскольку заранее справилась, что нужно делать, тут же ступила на подножку и быстро, чтобы толпа не видела ее обнаженную грудь, положила голову на плаху. Но, несмотря на всю ее предусмотрительность и желание, чтобы казнь совершилась как можно скорей, ей пришлось ждать. Дело в том, что у папы, знавшего ее вспыльчивый нрав, появились опасения, как бы в промежутке между отпущением грехов и смертью она не совершила какой-либо грех, поэтому он приказал, когда Беатриче взойдет на эшафот, дать сигнал выстрелом пушки замка Святого Ангела, каковой выстрел вызвал огромное удивление у собравшихся, потому как никто, в том числе и Беатриче, не ожидали его; папа, который в это время молился в Монте-Кавалло, тотчас же дал Беатриче отпущение грехов

in aruculo mortis²². Так прошло около пяти минут, и все это время приготовленная ждала, положив голову на плаху; наконец палач решил, что отпущение уже дано, спустил пружину, и лезвие упало.

И тут случилось нечто странное: голова скатилась, а тело отшатнулось назад, как бы птясь; палач тут же подхватил голову и показал ее народу, затем, проделав с нею то же, что и с головой Лукреции Петрони, хотел положить тело в гроб, но братья из конгрегации Милосердия взяли его из рук палача, и один из них собрался перенести его к гробу, однако тело выскользнуло и свалилось с эшафота на землю; при этом с него сорвались одежды, все оно было в крови и в пыли, так что пришлось потратить немало времени на обмывание; от этого зрелища бедный Бернардино в третий раз лишился чувств, и на сей раз беспамятство его было таким глубоким, что понадобилось дать ему вина, чтобы он пришел в себя.

Наконец настал черед Джакомо; он видел казнь мачехи и сестры, его одежда была забрызгана их кровью; палач подошел к нему, сорвал с него плащ, и все увидели, что грудь у него в ранах от раскаленных клещей, их было столько, что на теле не осталось живого места. Итак, он поднялся и, обратясь к брату, сказал:

– Бернардо, на пытке я показал против тебя и обвинил, но то была ложь, и хоть я уже опроверг эти показания, сейчас, готовясь предстать перед Господом, еще раз повторяю:

²² При смерти, на смертном одре (*лат.*).

ты невиновен, а суд, приговоривший тебя смотреть на нашу казнь, жесток и немилосерд.

Тут палач бросил его на колени, привязал за ноги к брусу, чуть приподнятому над эшафотом, наложил на глаза повязку и размозжил голову палицей; затем почти тотчас же на глазах у всех четвертовал труп.

Как только закончилась эта бойня, члены конгрегации удалились, уводя с собой Бернардо, но поскольку у него началась сильная горячка, ему пустили кровь и уложили в постель.

Останки обеих женщин в гробах поставили под статуей святого Павла у подножья моста и зажгли четыре свечи белого воска, которые горели до четырех часов пополудни, потом вместе с расчлененным телом Джакомо они были перенесены в храм Святого Иоанна Обезглавленного. В пять часов вечера тело Беатриче, все усыпанное цветами и облаченное в ту одежду, что была на ней во время казни, понесли в церковь Сан-Пьетро-ин-Монторио; гроб сопровождали члены братства Ран Христовых и все монахи-францисканцы города Рима, несшие пятьдесят горящих свечей. Там Беатриче была погребена, как она того и пожелала, около главного алтаря.

В тот же вечер тело синьоры Лукреции было перенесено в церковь Сан-Джорджо-ин-Велабре.

К сему можно добавить, что весь Рим соучаствовал в этой трагедии, и люди съехались кто в каретах, кто верхом, кто в

повозках, а кто пришел пешком, и все они сбились в огромную толпу; по несчастью, день был до того душный и жаркий, что многие теряли сознание, многие заболели лихорадкой, множество также умерло ночью, после того как пробыли на солнце все три часа, что длилась казнь.

Во вторник четырнадцатого сентября по случаю праздника Воздвижения Креста Господня с особого разрешения папы братством Сан-Марчелло был освобожден из тюрьмы бедняга Бернардо Ченчи с обязательством в течение года выплатить две с половиной тысячи римских экию конгрегации Пресвятой Троицы, что у моста Сикста, запись о получении каковых и сейчас находится в ее архиве.

А теперь, если вы, после того как повидали могилу, захотите составить о той, что покоится в ней, представление более полное, чем способно дать наше повествование, посетите галерею Барберини; там вместе с пятью другими шедеврами вы найдете портрет Беатриче, написанный Гвидо, как говорят одни, в ночь перед казнью, меж тем как другие утверждают, что он был сделан, когда она шла к месту казни; на портрете изображена прелестная головка в тюрбане, с которого ниспадает драпировка; у Беатриче густые светло-русые волосы, черные глаза, словно хранящие следы только-только высохших слез, великолепный нос и детский рот; что же касается ее ослепительно-белой кожи, то портрет не дает о ней представления: в краски переложено кармина, и лицо имеет кирпичный оттенок; если судить по изображению, Беатриче

можно дать от двадцати до двадцати двух лет.

Рядом висит портрет Лукреции Петрони; по размерам головы видно, что была она скорее невысокой, чем крупной. Она являла собой тип благородной римской матроны – смуглое лицо с правильными чертами, прямым носом, черными бровями и взглядом властным, но в то же время влажным и полным неги; на ее пухлых, округлых щеках очаровательные ямочки, о которых упоминает хронист и благодаря которым возникает ощущение, будто она улыбается и после смерти; следует еще упомянуть чудесной формы рот и курчавые волосы, ниспадающие на лоб и вдоль висков, создавая великолепное обрамление лица.

Поскольку не осталось ни графических, ни живописных изображений Джакомо и Бернардо, мы вынуждены заимствовать их портреты из рукописи, откуда мы почерпнули все подробности этой кровавой истории; вот какими увидел их автор, очевидец катастрофы, в которой они сыграли главные роли:

«Джакомо был небольшого роста, волосы и борода черные, ему могло быть лет около двадцати шести, он был хорошо сложен и обладал приятной наружностью.

Что касается Бернардино, несчастный отрок был вылитый портрет своей сестры, сходство их было таково, что, когда он взошел на эшафот, многие по причине его длинных волос и девического лица сперва решили, что это и есть Беатриче;

ему могло быть лет четырнадцать-пятнадцать.

Упокой, Господи, их души!»»